

Сари Лада

Нулевой контакт

Сари Лада

Нулевой контакт

<https://litres.ru/74003733>

SelfPub; 2026

Аннотация

2289 год. Реестр социальных связей — повседневная инфраструктура, как водопровод или электричество. От него зависит доступ к работе, дому, медицине, даже к рейсу к родителям. Если реестр говорит, что вас не существует, — вас не существует.

Граф Рикардо Малле оказался слишком ровным. Сетевой архитектор Эва Серра понимает: это не сбой, это чья-то методичная работа. Следователь Дан Орлов берётся за дело, в котором нет состава преступления. А сестра Риккардо, Лия, бросает станцию на орбите Юпитера, чтобы просто быть рядом.

Медленный, воздушный детектив о том, как незаметно исчезают люди из Сети — и как трудно вернуть их обратно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сари Лада

Нулевой контакт

Глава 1

Граф Рикардо Малле был красивым.

Эва заметила это сразу — в ту секунду, когда файл открылся и структура развернулась перед ней в рабочем пространстве. Не красивым в смысле богатым или разветвлённым: у Малле было восемьдесят три подтверждённые связи, что для пятидесяти одного года считалось нормой, чуть ниже среднего. Красивым в другом смысле. В смысле, который она не сразу смогла сформулировать, а просто почувствовала — как чувствуют несимметрию в лице ещё до того, как находят конкретную черту.

Она отодвинула кресло, встала, прошла к окну. Кабинет у неё был небольшим, но продуманным до мелочей: низкий стол без лишних предметов, два кресла для клиентов — мягкие, без подлокотников, — и проекционная поверхность во всю стену, сейчас тёмная. На подоконнике стояло несколько растений с плотными тёмными листьями, которые не нужда-

лись в особом уходе — Эва их выбирала именно поэтому. Снаружи был Новосибирск — старый и новый одновременно, как всегда. Башни-узлы уходили в облака, и каждая светила изнутри мягким голубым, потому что внутри работали серверные контуры. Эва любила этот цвет. Она смотрела на него секунду, потом вернулась к столу.

Граф висел в воздухе над рабочей поверхностью — трёхмерная сеть точек и нитей. Каждая точка была человеком. Каждая нить — зафиксированным контактом: совместное событие, подтверждённое пространство, история взаимодействий достаточной плотности, чтобы реестр признал связь действующей. Эва медленно повернула граф, разглядывая его со всех сторон.

Связи в реестре не регистрировались по желанию — они накапливались. Система отслеживала совместное нахождение в подтверждённых пространствах: одно здание, один рейс, одно рабочее место. Одного появления было мало; нужна была история — серия пересечений с нарастающей плотностью. Реестр не спрашивал, считаете ли вы человека близким. Он смотрел, сколько раз вы оказывались рядом и как долго это продолжалось.

У каждой нити был вес. Вес складывался из трёх параметров: давность — как давно создана связь; частота — как

часто обновлялась; и плотность — насколько насыщенными были взаимодействия. Связь с соседом, которого видишь в лифте раз в неделю двадцать лет, и связь с коллегой, с которым работал бок о бок несколько месяцев, могли весить примерно одинаково. Это было контринтуитивно, но точно. реестр не различал близость по субъективному ощущению, только по следу в пространстве и времени.

Вот в чём дело.

Живой граф — неровный. Не в смысле хаотичный, а в смысле органичный: где-то нити тянутся давно и крепко, где-то тонкие и новые, где-то есть узлы, вокруг которых всё гуще, и пустые места, где связи когда-то были и угасли. Это нормально. Это след жизни. Эва видела тысячи графов и знала, как выглядит след жизни.

Граф Рикардо Малле выглядел иначе. Нити были распределены слишком равномерно. Не одинаково — нет, там были и более плотные зоны, и разрывы. Но всё это было... аккуратно. Как будто кто-то расчесал структуру. Убрал лишние узлы. Подровнял углы.

Эва провела пальцем через один из кластеров — семья. Все нити одинаковой толщины. Одинаковой плотности истории. Это почти невозможно. У братьев всегда разные от-

ношения с сиблингами, у родителей — разная степень включённости в жизнь взрослого ребёнка. Одинаково — это либо случайность, либо правка.

Она отметила кластер. Посмотрела на рабочий кластер. Там та же история: восемь коллег, все нити как под линейку. Посмотрела на дружеский — шесть человек, идеально симметричная звезда.

Эва села. Открыла хронологию графа.

* * *

Малле ждал в приёмной уже двадцать минут, когда она вышла к нему.

Ему было около пятидесяти, как и в данных. Невысокий, плотно сложенный, с тем особым инженерным видом, который она научилась распознавать — не по одежде, а по осанке: человек, привыкший смотреть на вещи как на задачи. Тёмные волосы с сединой на висках, аккуратно подстриженные. Лицо с глубокими носогубными складками — такие появляются у людей, которые много думают, много молчат и редко жалуются. Одет опрятно, без лишнего: тёмный джемпер, брюки с чёткой стрелкой, — будто специально оделся так, чтобы не выглядеть жертвой. Немного нервный — она

видела это по тому, как он держал руки: сложены на коленях, пальцы слегка переплетены. Когда она вошла, он встал слишком быстро.

— Эва Серра? — сказал он.

— Да. Садитесь, пожалуйста.

Они сели друг напротив друга. Эва положила перед собой планшет — пустой экран, просто чтобы было что-то между ними. Это помогало людям говорить.

— Вы изучили граф? — спросил Малле.

— Да.

— И что скажете?

Эва помолчала секунду. Она умела выбирать слова — это было частью работы. Не врать, но и не обрушивать на человека всё сразу.

— Расскажите мне сначала, что происходит. Своими словами.

Малле кивнул, как будто ожидал этого вопроса и готовил-

ся к нему.

— Три месяца назад я переехал. Из Екатеринбурга сюда, в Новосибирск. Рабочий перевод, всё штатно. — Он сделал паузу. — А потом начали закрываться двери.

— Конкретнее.

— Сначала мелкое. Клуб, в который я ходил десять лет, — система меня не пустила. Ошибка авторизации. Я написал в поддержку, мне сказали: технический сбой, попробуйте позже. Я попробовал через неделю. Та же ошибка. Потом отказало рабочее пространство в новом офисе — мой ключ доступа не прошёл верификацию, хотя перевод был официальным. Потом...

Эва подняла голову.

— Что за клуб?

— «Меридиан». Инженерный дискуссионный клуб в Екатеринбурге. Закрытое пространство, только по верификации реестра — членство, не абонемент. Я вступил ещё в Екатеринбурге, когда только начинал в строительном проектировании. Туда ходят инженеры, архитекторы, несколько учёных из университета. Раз в две недели — встреча: кто-то делает доклад, потом обсуждение. Иногда просто сидим и раз-

говариваем. Никакого сетевого присутствия, никаких записей. Это часть правил: всё, что говорится внутри, остаётся внутри. — Он сделал паузу. — Это было важно для меня. Не как профессиональная площадка. Просто место, где можно думать вслух.

— Клуб в Екатеринбурге, а вы уже в Новосибирске.

— Это не имеет значения. Членство не привязано к физическому присутствию — я мог приезжать раз в месяц, раз в два месяца, это допустимо по правилам. Несколько человек там живут на Луне и участвуют удалённо или приезжают на сессии раз в квартал. Я планировал так же. Написал организатору ещё до переезда, он подтвердил: всё нормально, членство действует. А потом система меня просто перестала узнавать.

— Организатор может подтвердить?

— Вероятно. Но его подтверждение — не верифицированный источник. Систему это не интересует. Она смотрит на реестр. Реестр говорит, что мои связи с членами клуба — семь человек, с которыми я провёл десятки часов обсуждений, — ниже порога активной связи. Как будто мы встречались трижды за жизнь.

Он остановился.

— Потом что? — спросила Эва.

— Потом я прилетел к родителям на праздник. На Луну, они там живут уже семь лет. — Малле посмотрел на свои руки. — Меня не пустили. Система не нашла подтверждённых связей в пункте назначения.

В комнате было тихо. За окном — Новосибирск, башни, голубой свет.

— Ваши родители живы? — спросила Эва.

— Да. Я позвонил маме прямо из терминала. Она расстроилась, очень хотела помочь. Но она не может открыть бортовую. Никто не может. Система не пропускает частное поручительство без верификации через реестр.

— И реестр не подтверждает вашу связь с ней.

— Реестр говорит, что мы виделись дважды за последние три года. Это неправда. — Он поднял на неё глаза. — Я каждый месяц летал. Каждый месяц. У меня есть билеты, у меня есть воспоминания, у меня есть фотографии, но они не в Сети, они на личном устройстве, а личное устройство не

является...

— ... верифицированным источником, — закончила Эва.

— Да.

Она смотрела на него. Он смотрел на неё. Между ними лежал пустой планшет.

— Вы обращались в Департамент сетевых преступлений?
— спросила она.

— Да. Они сказали, что по всем данным преступления не было. Что, скорее всего, произошёл каскадный сбой при переезде — данные не синхронизировались корректно между узлами Екатеринбурга и Новосибирска. Это бывает. — Голос у него был ровный, но усилие этой ровности чувствовалось. — Они предложили подать заявление на восстановление данных. Стандартная процедура, три-четыре месяца.

— Вы подали?

— Подал. Две недели назад. — Пауза. — За это время закрылось ещё четыре точки доступа.

— Какие именно? — спросила Эва.

Малле достал из кармана сложенный лист — распечатку, не планшет. Развернул. Эва заметила, что руки у него не дрожали. Это был человек, который уже привык к собственному страху и теперь работал с ним как с данностью.

— Медицинский центр на Мира, семнадцать. Я там состою на учёте ещё с Екатеринбурга — хронический специалист, кардиолог, раз в полгода плановый осмотр. Три недели назад пришёл на приём — система не нашла меня в базе пациентов. Врач меня помнил лично, предложил принять в обход верификации. Администратор не разрешила. Протокол. — Он сделал паузу. — Второе: спортивный зал в новом жилом комплексе. Это мелко, но всё равно. Я оплатил абонемент при вселении, реестр должен был это зафиксировать. Через десять дней после подачи заявления доступ пропал.

— Третье?

— Транзитный узел. Я ездил на работу через центральный пересадочный — там нужна верификация для скоростного маршрута. Перестал пропускать пять дней назад. Теперь езжу в объезд, сорок минут вместо пятнадцати. — Он посмотрел на список. — И четвёртое: Архивный читальный зал Технического университета. Я туда ходил работать по вечерам — там тихо, хорошее освещение, и у них есть доступ к

историческим проектным базам, которых нет в открытом реестре. Верификация — через профессиональный сертификат. Сертификат у меня действующий. Но три дня назад система его не приняла.

Он сложил лист. Убрал в карман.

— Разные категории, — сказала Эва.

— Да. Медицина, быт, транспорт, профессиональная деятельность. Я думал об этом. Если бы это был технический сбой, он был бы в одном слое. Сбои не работают по категориям.

* * *

После того как Малле ушёл, Эва долго сидела у окна.

Каскадный сбой при переезде — она знала, как они выглядят. Работала с тремя такими случаями за последние два года. Данные теряются хаотично, без логики: что-то восстанавливается само, что-то требует ручной верификации, структура графа при этом становится рваной, неровной, как после пожара.

Граф Витора Малле был ровным.

Она снова открыла хронологию. В ней хранилась история изменений каждой нити: когда создана, когда обновлялась, когда и как менялась плотность. Большинство систем эти данные не показывает пользователям — слишком много технического шума. Но Эва знала, где смотреть.

Она нашла первое изменение. Семь месяцев назад — за четыре до переезда Малле в Новосибирск. Небольшая правка в кластере коллег: один контакт слегка уменьшил плотность. Ничего критичного. Система не зафиксировала это как событие.

Потом второе. Через три недели. Снова небольшое.

Потом третье, четвёртое, пятое.

Эва откинулась в кресле. За окном темнело — Новосибирск переходил в вечерний режим, башни начинали светиться чуть ярче. Она смотрела на хронологию и думала о том, что каждая правка сама по себе выглядит как погрешность. Как шум. Как то, что системы мониторинга не замечают, потому что не обучены замечать такие вещи.

Их учат замечать взломы. Грубые, быстрые, очевидные.

А это было другое.

Это было терпеливо.

Эва закрыла хронологию, открыла новый документ и начала писать. Не отчёт для клиента — ещё рано. Просто заметки для себя: что она увидела, в каком порядке, что это означает, если означает вообще.

На середине второго абзаца она остановилась и написала отдельно, крупно:

КТО ЕЩЁ.

Потом посидела над этим вопросом. Потом открыла реестр профессиональных запросов и начала искать похожие жалобы за последний год.

Нашла две.

Обе закрыты как технические сбои.

Эва смотрела на экран долго. Потом написала запрос в Департамент сетевых преступлений — стандартный, ни к чему не обязывающий, просто уточнение по делу клиента. Имя следователя, которое было в файле Малле: Дан Орлов.

Она отправила запрос. Встала. Пошла на кухню — налила в термодиспенсер воды, достала нутрипак с вечерним вкусом, ягодный. Нутрипаки она покупала одного производителя уже несколько лет: небольшие герметичные пакеты с концентрированной смесью белков, структурированных жиров и медленных углеводов, адаптогенов и микроэлементов, разбавляемые горячей или холодной водой в зависимости от времени суток и задачи. Никакой кофеиновой тревоги, никакого сахарного провала через час. Вкусы были откалиброваны под циркадный цикл: утренние — бодрящие, с горьковатыми нотами; дневные — нейтральные, рабочие; вечерние — мягкие, немного сладкие, с магнием и L-теанином. Эва не думала об этом как о еде. Это была просто инфраструктура для тела.

За окном Новосибирск светился ровным голубым. Эва подумала, что сейчас он слишком красив.

Глава 2

Заявление Малле лежало на столе Дана уже четыре дня, и всё это время Дан его не трогал. Стол у него был угловым, старым — настоящее дерево, не имитация, — и занимал почти треть кабинета. Несколько коллег однажды спросили, зачем ему такой большой. Дан объяснил: иногда нужно разложить всё сразу и видеть одновременно. Они кивнули и больше не спрашивали. Рядом со столом стояла узкая металлическая полка — на ней папки, несколько справочников по сетевому праву за разные годы и старая фотография станции Байконур-7 в металлической рамке. Кабинет был небольшим, угловым, с окном, выходившим на внутренний двор. Окно Дан почти никогда не открывал, но любил смотреть в него, когда думал.

Сначала нужно было закрыть Сиддики — дело о массовом спуфинге корпоративных графов в секторе логистики, восемнадцать пострадавших, три месяца работы. Сиддики закрылся во вторник, Дан отдал финальный отчёт, выпил порцию нутрипака со вкусом грецкого ореха: он держал запас в ящике стола, посмотрел в окно примерно две минуты, потом взял папку Малле. Нутрипаки в Департаменте были казённые, без затей: базовый состав, два вкуса на выбор — оре-

ховый и «цитрус», оба одинаково невыразительные. Дан пил их по необходимости, без удовольствия.

В Департаменте сетевых преступлений почти никто не работал с бумажными папками. Дан работал. Не из принципа — просто так удобнее думать. Бумага не обновляется сама, не предлагает связанных материалов, не подсвечивает то, что алгоритм считает важным. Бумага показывает ровно то, что в неё положено. Его коллеги шутили, что Орлов один из немногих следователей, у кого на столе всегда есть карандаш — не электронный стилус, а обычный, деревянный. Он делал пометки на полях распечаток, рисовал схемы от руки, записывал вопросы, на которые пока не было ответов. Это выглядело архаично. Зато работало.

Он разложил материалы. Заявление на трёх страницах — Малле писал подробно, аккуратно, с датами. Распечатка уведомлений об отказе в доступе: клуб, офис, медицинский центр, рейс на Луну. Ответ из технической поддержки реестра: предполагаемый каскадный сбой, рекомендовано стандартное восстановление. Ответ из отдела первичного приёма Департамента: дело принято к рассмотрению, срок рассмотрения — до шести месяцев.

Шесть месяцев. Дан посмотрел на эту фразу. За шесть месяцев можно потерять работу, жильё, доступ к медицине.

Можно потерять всё, что держится на реестре, а в 2289 году на реестре держалось почти всё.

Реестр социальных связей появился не как решение, принятое однажды и сразу. Он рос постепенно — из разрозненных систем верификации личности: транспортных сетей, медицинских учреждений, жилищных служб. Поначалу каждая система вела свои базы: кто куда ехал, кто где лечился, кто в каком здании жил. Потом, в эпоху первой волны орбитального расселения, когда нужно было как-то управлять потоками людей между Землёй и станциями, эти базы начали объединять. Из практических соображений. Нужно было понимать, у кого куда есть основания для доступа.

К середине двадцать второго века граф стал стандартом. Он оказался удобнее всего остального. Документы можно подделать. Биометрию — обойти. История взаимодействий в пространстве — сложнее. Если ты двадцать лет живёшь в одном доме с человеком, это видно в данных. Если ты никогда с ним не встречался — тоже видно.

Поколение, которое выросло с реестром с рождения, уже не воспринимало его как надзор. Это была просто инфраструктура — как электросеть или водопровод. Она работала на фоне. Она была везде. И пока она работала правильно, про неё не думали совсем. Примерно столько же времени

прошло с тех пор, как изменилось другое. В конце двадцать первого века базовый доступ к ресурсам — питание, медицина, жильё на минимальном уровне — стал инфраструктурой так же, как реестр. Не сразу, не по одному решению: постепенно, через несколько поколений, через реформы, которые казались каждая незначительной, пока все вместе не сдвинули что-то фундаментальное. К двести восемьдесят девятому году никто не работал ради выживания. Работали — но не потому что иначе умрут. Потому что хотели что-то делать. Потому что быть нужным кому-то — это другое, чем просто не голодать. Это было хорошей переменной. Но она создала уязвимость другого рода: если работа больше не про выживание, она про идентичность.

Он перевернул страницу.

* * *

Дело официально не существовало.

Это была первая проблема. Отдел первичного приёма принял заявление, присвоил ему номер, положил в очередь — и на этом всё. Для того чтобы дело попало к следователю, нужно было либо автоматическое срабатывание системы мониторинга, либо ручное назначение от руководства. Система мониторинга не сработала, потому что по формальным

признакам преступления не было. Руководство не назначило, потому что у руководства была очередь из дел, где преступления были очевидны.

Дан взял дело сам. Он имел на это право — технически. Следователь его уровня мог принять к разработке любое дело из общей очереди. Этого никто не запрещал. Этого просто никто никогда не делал, потому что незачем брать дело, где нет состава.

Дан взял, потому что прочитал заявление и узнал в нём кое-что знакомое.

Не детали. Детали были другими. Но ощущение — ощущение он знал.

* * *

В 2261 году, когда Дану было тринадцать, на орбитальной станции Байконур-7 произошёл каскадный отказ сетевого узла. Байконур-7 был одной из старых промышленных станций на низкой орбите — шесть жилых блоков, технический сектор, школьный модуль, три тысячи человек на постоянной основе. Его семья переехала туда, когда отец получил контракт на техническое обслуживание. Дан тогда уже знал, что такое жить без деревьев и без горизонта, но ещё не

знал, что такое жить без Сети.

Не взлом. Не преступление. Просто отказ — один из тех, что случаются раз в несколько десятилетий, когда старое оборудование не выдерживает нагрузки и рушится быстрее, чем успевают подключиться резервные контуры. Узел упал в четыре утра по местному времени. К шести утра стало ясно, что восстановление займёт не часы, а недели.

Сетевой узел — это не просто сервер. Это территориальный якорь реестра: физический комплекс, к которому привязаны данные всех людей, живущих в зоне его охвата. Граф хранится не централизованно — он распределён по узлам, каждый из которых отвечает за свой сектор. Это делало систему устойчивее к глобальным сбоям — и вот почему: если бы граф хранился централизованно, на одном главном сервере или в одном центре данных, то любой удар по этому центру — технический отказ, авария, атака — положил бы всю систему целиком. Распределение по узлам работало как живая ткань: каждый узел хранил только свой фрагмент, и когда один узел выходил из строя, остальные продолжали работать независимо. Жители Токио не замечали отказа в Кейптауне. Реестр Земли продолжал верифицировать миллиарды связей, пока где-то на орбите один сегмент чинили. Была уязвимость другого рода: когда падал один узел, все, кто к нему был привязан, переставали существовать для

остальной системы. Не навсегда — только пока узел не восстановится. Но для системы, которая принимала решения в режиме реального времени, даже несколько недель были вечностью.

Семьдесят две семьи. Три тысячи четыреста человек.

Первые двое суток было почти весело — в том смысле, в каком бывает весело в чрезвычайной ситуации, когда все рядом и все понимают, что происходит. Соседи открывали двери вручную, потому что знали друг друга в лицо. Еду распределяли по спискам, которые вели от руки. Дан помогал разносить — он был быстрым, ему нравилось быть полезным.

На третий день начались проблемы.

Медицинский модуль не принимал пациентов без верификации — система требовала подтверждения через реестр, реестра не было. Школьный блок закрылся автоматически: нет авторизованных учеников, нет занятий. Дан пришёл к двери и постоял перед ней несколько минут, глядя на красный индикатор. Потом пошёл домой.

Отец работал инженером-техником и был привлечён к восстановлению узла — он почти не появлялся дома. Мать сидела с младшей сестрой, которой было семь, и с бабушкой,

которой было сто четыре и которой нужны были лекарства из медицинского модуля, который не принимал без верификации. Бабушка принимала несколько препаратов ежедневно. Всё это хранилось в медицинском модуле. Домашних запасов не было — их не держали, потому что незачем: модуль всегда был в трёх минутах ходьбы.

Дан помнил, как мать разговаривала с оператором медицинского модуля. Спокойно, терпеливо, объясняла ситуацию снова и снова. Оператор был живым человеком — не алгоритмом. Живой человек понимал ситуацию, сочувствовал, хотел помочь. И не мог. Система не позволяла ему выдать лекарства без верификации пациента.

Бабушка продержалась ещё девять дней. Узел восстановили на двенадцатый.

На тринадцатый бабушки не стало.

Врачи потом говорили, что это не связано. Что в её возрасте и с её состоянием это могло случиться в любой момент. Что пропущенные девять дней лекарств, скорее всего, ничего не изменили бы.

* * *

Запрос пришёл в среду, в половине седьмого вечера.

Дан как раз собирался уходить — не домой, он редко уходил домой раньше девяти, а в бар на третьем уровне, где подавали нормальные нутрипаки без вкусовых усилителей и где не было сетевых терминалов прямо в столешницах, как везде сейчас. Он надевал куртку, когда планшет мигнул.

Запрос был стандартный, формальный. Сетевой архитектор, некая Эва Серра, уточняла детали по делу клиента — Рикардо Малле. Просила указать, на какой стадии рассмотрение и есть ли возможность для краткой консультации.

Дан прочитал запрос дважды.

Сетевые архитекторы редко выходили на следователей напрямую. Обычно они работали с клиентами, клиенты работали с юристами, юристы работали с Департаментом. Это была нормальная цепочка. Архитектор, который выходит напрямую, — это либо человек, которому некогда ждать, либо человек, который нашёл что-то конкретное.

Он сел обратно. Куртку не снял.

Открыл профиль Серра. Тридцать четыре года, практика — одиннадцать лет, специализация — диагностика и ре-

структуризация сложных графов. Образование: Московский институт сетевых технологий, потом два года стажировки в Цюрихе. Рейтинг профессионального сообщества высокий, жалоб нет. Фотография в профиле была рабочей — прямой взгляд в камеру, никакой попытки понравиться. Темноволосая, лицо с чёткими чертами, во взгляде что-то, что Дан мысленно пометил как «человек, привыкший видеть то, что другие не замечают». Следователи Департамента имели служебный доступ к графам всех, кто фигурировал в активных делах или выходил на контакт по открытым делам: это был стандартный инструмент верификации, закреплённый в регламенте. Эва Серра написала ему сама — значит, стала участником дела, а значит, её профиль открылся для просмотра в рамках этого контакта. Граф — средней плотности, структура органичная, без аномалий. Обычный живой граф. Это было личное пространство человека, к которому Дан получил доступ не по желанию, а по регламенту — он всегда помнил об этой разнице и смотрел ровно столько, сколько нужно для дела.

Он написал ответ. Коротко: готов к консультации, завтра, десять утра, адрес Департамента.

Потом подумал секунду и добавил одну фразу: если у вас есть технические данные по графу клиента, возьмите с собой.

Отправил. Встал. Снова пошёл к выходу.

На этот раз дошёл.

* * *

Кофейня на третьем уровне называлась просто «Третий» — без затей. Дан ходил сюда лет шесть, и за эти шесть лет здесь почти ничего не изменилось. Те же деревянные столешницы без терминалов — тёмное дерево, немного растрескавшееся у углов, давно вышедшее из моды и бывшее приятным. Тот же полумрак — не романтический, а просто неяркий, без безусловно выверенного света, к которому привыкли в большинстве заведений. Тот же хозяин — Амара, лет шестидесяти, крупный, медлительный, немногословный, всегда знал, что Дан берёт, никогда не спрашивал, как дела.

Дан сел у окна. Амара принёс нутрипак без слов — тёмно-янтарный, со вкусом обожжённого кедра. Дан кивнул. Бар на третьем уровне работал с поставщиком из Японии — небольшая мастерская в Киото, которая делала составы вручную, небольшими партиями, без промышленных ароматизаторов. Каждый нутрипак там был как отдельное решение: кедровый — для вечернего торможения без седации,

имбирно-дымный — для разговоров, которые требуют терпения, белый шиитаке — для состояния тихой сосредоточенности. Амара знал наизусть, что кому подходит. Это была его работа, и он делал её хорошо.

За окном был внутренний атриум здания — старый, с живыми деревьями, которые посадили ещё при строительстве и которые за сто лет вымахали до третьего уровня и упирались кронами в стеклянный потолок. Дан смотрел на деревья и думал о Малле.

Три жалобы за полгода. Он проверил это ещё днём, когда брал дело, — поискал в общем реестре похожие обращения. Нашёл три, включая Малле. Все три закрыты как технические сбои. Все три — люди, которые переезжали незадолго до начала проблем.

Переезд как маскировка. Это была первая мысль. Если ты хочешь что-то сделать с чьим-то графом и хочешь, чтобы это списали на технические причины, лучшего момента, чем переезд между узлами, не придумать. Данные мигрируют, синхронизация несовершенна, погрешности неизбежны. Никто не смотрит внимательно.

Он отпил нутрипак. Напиток был горячим и очень хорошим.

Вторая мысль была о том, зачем. Три человека, разные возрасты, разные профессии, разные узлы проживания. Что между ними общего, кроме переезда? Он пока не знал. Это было на завтра.

Третья мысль — о том, что сетевой архитектор написала ему сама. Это значило, что она что-то увидела в графе. Что-то, чего не видит стандартная система мониторинга. Либо она очень хороший специалист, либо ей повезло, либо и то и другое.

Дан не верил в везение как в самостоятельную силу. Но не возражал, когда оно помогало.

Он допил нутрипак. Посидел ещё несколько минут, глядя на деревья. Потом встал, оставил на столе сложенную купюру — он всегда платил наличными, это тоже была привычка, не принцип, — и пошёл домой.

На улице было прохладно. Новосибирск вечером всегда немного остывал — не сильно, но достаточно, чтобы почувствовать разницу. Дан шёл пешком. Идти было двадцать минут, это было хорошее расстояние.

Он думал о Малле, который стоял в терминале и звонил

маме из зоны ожидания. О том, что мама взяла трубку. О том, что это ничего не изменило.

Он думал о том, что завтра в десять придёт архитектор с данными.

И о том, что три случая — это уже не сбой.

Глава 3

Сообщение от брата пришло в 03:14 по времени станции, когда Лия не спала. Юпитер-6 был исследовательской станцией на орбите Ганимеда — крупнейшего спутника Юпитера. Лия работала там специалистом по нейронным картам гравитационных полей: её группа изучала влияние юпитерианской системы на поведение электромагнитного поля Ганимеда, единственного спутника в Солнечной системе с собственной магнитосферой. Это была нишевая наука, нужная немногим и непонятная большинству — именно поэтому она её выбрала. Здесь было тихо, здесь был чёткий предмет, и здесь никто не ждал от неё ничего, кроме точных данных.

На Юпитер-6 биоритмы поддерживались искусственно — строго по UTC, нулевому меридиану Земли. Это был не выбор, а медицинская необходимость: на таком удалении не имело смысла жить по Москве или Токио, а сутки самого Юпитера длились чуть меньше десяти часов — человеческий организм с таким ритмом не договорится. Поэтому станция жила по UTC, и контроллер следил, чтобы тело не забывало, как выглядит нормальный день. Каждый житель носил на запястье лёгкий браслет, который синхронизировал

свет в спальне, температуру, микродозы регулирующих добавок в утреннем нутрипаке. Лия соблюдала протокол: ложилась в одиннадцать, вставала в семь. Просто сегодня она проснулась и не смогла заснуть.

В 03:14 она лежала на полу своей комнаты — там лучше думалось — и смотрела в потолок. Потолок был обычный, белый, ничем не примечательный. Комната у неё была такая же — без лишнего: узкая кровать, рабочий стол с двумя мониторами, стопки технических распечаток в углу, которые она периодически разбирала и снова складывала. На стене — один лист с рукописными уравнениями, приклеенный скотчем. Больше ничего. Лия не заводила вещей, к которым можно привязаться: однажды убедилась, что это неудобно при переездах.

Планшет мигнул.

Она взяла его, не меняя позы.

Сообщение было от Рикки — она всегда называла брата Рикки, хотя в реестре он был Рикардо Малле: солидно и полностью. Рикки был старше на тридцать два года, и большую часть её жизни это расстояние ощущалось не только в возрасте, но и буквально: он жил на Земле, она — сначала с родителями на Луне, потом сама, здесь. Они переписыва-

лись. Иногда созванивались. Раз в несколько месяцев — живой звонок, с лицом, с голосом.

Этого было достаточно. Лия так думала.

Сообщение было длинным. Рикки почти никогда не писал длинно.

Она начала читать.

* * *

Он написал всё подробно — даты, события, последовательность. Клуб, офис, медицинский центр, рейс на Луну к родителям. Заявление в Департамент. Архитектор, которая взялась за диагностику. Три месяца, за которые его жизнь методично закрывалась дверь за дверью.

Лия прочитала один раз. Потом второй.

Потом встала с пола, пошла на кухню, налила воды, выпила, поставила стакан. Вернулась в комнату. Снова взяла планшет.

В конце сообщения Рикки написал: «я не хочу, чтобы ты беспокоилась. Я справляюсь. Просто хотел, чтобы ты знала».

Лия смотрела на эту фразу долго.

«Я не хочу, чтобы ты беспокоилась». Это была фраза человека, который очень хотел, чтобы кто-то приехал. Она знала это, потому что сама так говорила — один раз, три года назад, когда сменила уже четвёртое занятие за год и поняла, что снова бросит, и написала об этом Рикки, и в конце добавила: «не беспокойся, я разберусь». Рикки прилетел через неделю. Пробыл четыре дня. Они почти не говорили о том, что случилось, — просто ходили по станции, ели вместе, смотрели в иллюминаторы на Юпитер. Когда он улетал, Лии было легче. Она не совсем понимала почему.

Она открыла расписание рейсов.

* * *

Ближайший прямой рейс до Новосибирска был через восемнадцать часов. Транзитный — через семь, с пересадкой на орбитальной базе Лагранжа-2, общее время в пути двадцать шесть часов. Это были обычные гражданские рейсы на антиматериевой тяге — технология, которая к концу двадцать второго века вытеснила химические ускорители на дальних маршрутах. Реакторы аннигиляции давали тягу, несравнимую ни с чем прежним, но даже они не делали

межпланетный перелёт быстрым: расстояние от Юпитера до Земли менялось от шестисот миллионов до девятисот миллионов километров в зависимости от положения планет, и двадцать с лишним часов в режиме ускорения с последующим торможением — это был нижний предел при благоприятном окне запуска. Кресла на таких рейсах были оснащены компенсационными системами второго поколения: адаптивные ложементы, фармакологическая поддержка, микродозы препаратов против перегрузок. Без этого человек просто не пережил бы профиль ускорения. Большинство пассажиров засыпало ещё до конца первого часа.

Лия выбрала прямой, терпеть не могла пересадки. Слоняться по транзитным зонам, ждать посадки, снова ждать — это было хуже самого долгого перелёта.

Она купила билет. Потом посидела с планшетом в руках. Написала Рикки, что летит к нему. Потом убрала планшет и начала думать, что взять.

* * *

На Землю Лия летела третий раз в жизни.

Первый — в семь лет, с родителями, туристическая поездка. Она почти ничего не помнила: океан, очень много зе-

лёного, тяжесть в ногах от непривычной гравитации. Родители водили её куда-то, что-то объясняли. Лия была маленькой и устала.

Второй — в шестнадцать, с классом. Образовательная программа, две недели. Она помнила этот раз лучше: Москва, экскурсия в исторический центр, музей космонавтики — тот самый, под серебряным обелиском, — где экспонаты были такими старыми и маленькими, что казались игрушками. Помнила, как группа ходила куда-то вечером — в какое-то заведение, все смеялись, было шумно. Лия посидела полчаса и ушла. Ей было нормально одной. Тогда она ещё не понимала, что это будет паттерном.

Третий раз — сейчас.

Она лежала и смотрела в иллюминатор. Юпитер-6 уже не был виден — они вышли из зоны визуальной досягаемости час назад. Снаружи были темнота и звёзды, которые не мерцали, потому что мерцание — это атмосфера, а атмосферы здесь не было.

Лия любила этот вид. Он был честным.

Она думала о Рикки.

Точнее — пыталась думать о Рикки, но обнаруживала, что думает о чём-то смежном: о том, как они устроили отношения за эти годы. Переписка раз в неделю, иногда реже. Звонок раз в несколько месяцев. Он прилетал к ней один раз — те четыре дня три года назад. Она к нему не летела никогда.

Это было нормально. Просто не было повода. Была жизнь здесь, на станции. Занятия, которые начинались и заканчивались. Люди, которых она знала достаточно хорошо, чтобы здороваться, и недостаточно хорошо, чтобы скучать, когда они уходили.

Она спросила себя: если бы Рикки не написал — когда бы она написала ему в следующий раз?

Через неделю. Наверное.

А если бы не написала через неделю?

Через две. Или три. Это тоже бывало.

За окном плыли звёзды. Лия смотрела на них и думала о том, что не знает, какой у Рикки сейчас вид из окна. Не знает, как выглядит его квартира в Новосибирске. Не знает, с кем он проводит время. Знает его голос, знает, как он формулирует мысли в сообщениях, знает, что он не любит шум.

Это было что-то.

Но это было странно мало для человека, которого она собиралась навестить, потому что у него закрывались двери.

* * *

Лия проснулась от того, что изменился звук двигателей — они начали торможение. За иллюминатором ничего не изменилось, но она это почувствовала: лёгкое смещение, едва заметное. Лия хорошо чувствовала корабли. Она выросла на станции, где всё было механическим и всё разговаривало вибрацией.

Она посмотрела в иллюминатор.

Земля была уже видна.

Лия смотрела на неё несколько минут молча. Она всегда забывала, какого цвета Земля, — не голубого, как на старых фотографиях из учебников, а сложнее: голубая и белая и коричневая и зелёная, всё одновременно, всё живое, всё движется.

Юпитер тоже двигался. Но он двигался как стихия — огромно, равнодушно. Земля двигалась иначе. Как будто там

внутри что-то жило и дышало.

Лия поймала себя на том, что немного нервничает.

Это было неожиданно. Она обычно не нервничала в дороге. Нервничала иногда при разговорах, при ситуациях, когда непонятно, чего от неё ожидают. Но не в дороге — дорога была понятной, у неё были правила и конечная точка.

Она подумала, что конечная точка — вот в чём дело. Обычно, когда она куда-то летела, она знала, что будет на месте. Здесь она не знала. Она знала только, что там будет Рикки, у которого закрываются двери, и что она хочет быть рядом. Что она будет делать рядом — это было неясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.